

УДК 81'25

СИТУАЦИИ С ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЕЙ «СЛУЧАЙ» В ТАТАРСКОМ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»: СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© Алмаз Закиров

SITUATIONS WITH THE ARTISTIC-AESTHETIC CATEGORY OF "CASE" IN THE TATAR TRANSLATION OF LEO TOLSTOY'S NOVEL "ANNA KARENINA": STYLISTIC ASPECTS

Almaz Zakirov

The theme of this article is conditioned by the interest in the translation of Leo Tolstoy's novel "Anna Karenina" into the Tatar language fulfilled by Makhmud Maksud over half a century ago. The article considers it from the viewpoint of necessity to rethink and reassess stylistic peculiarities of this translation in accordance with the requirements of the modern Tatar literary language. M. Maksud's work is an only experience of translating the novel into the Tatar language. It completely met cognitive and aesthetic requirements of its time. This article examines stylistic peculiarities of the translation within the framework of the situations, containing the artistic and aesthetic category of "case". Our textual analysis made it possible to identify and describe a wide range of inaccuracies, which can be easily eliminated from the viewpoint of the contemporary Tatar literary language: now philologists in the sphere of the Tatar language are trying to reduce the excessive number of borrowings in the language. The analysis showed the abundance of Russian and foreign words and expressions in the Tatar text. Stylistic inaccuracies, explained by insufficiency of language intuition, present a separate category of translation deviations.

Keywords: "Anna Karenina" by Leo Tolstoy, M. Maksud's translation, original, translation as a secondary text, semantic analysis, textual analysis, stylistic peculiarities.

Тема статьи обусловлена интересом к переводу романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» на татарский язык, выполненному Махмудом Максудом уже более полувека назад, с позиции необходимости переосмысления и переоценки стилистических особенностей перевода в соответствии с требованиями современного татарского литературного языка. Перевод романа М. Максудом на сегодняшний день является единственным в татарской переводческой практике. Он в полной мере выполнил познавательные-эстетические требования своего времени. В предлагаемой статье рассматриваются стилистические особенности перевода в рамках ситуаций с художественно-эстетической категорией «случай». Текстуальный анализ позволил обнаружить и описать целый ряд погрешностей, которые с точки зрения современного татарского литературного языка могут быть легко устранены: современные филологи в области татарского языка стремятся к максимальному освобождению языка от излишних заимствований. Проведенный текстуальный анализ татарского перевода романа показал избыточность в тексте русских и иностранных слов и выражений. Отдельную категорию переводческих отклонений в рассматриваемом нами татарском тексте составляют стилистические погрешности при выборе языковых средств, объясняемых недостаточностью языковой интуиции.

Ключевые слова: роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина», перевод М. Максуда, оригинал, перевод как вторичный текст, семантический анализ, текстуальный анализ, стилистические особенности.

Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» на татарском языке (перевод Махмуда Максуда) был издан в 1960 году. Как пишет казанский толстовед О.Х. Кадыров, «это был итоговый труд Махмуда Максуда, посвятившего воссозданию мира толстовских героев целое, заключительное десятилетие своей жизни. Опыт, накопленный

им в ходе работы над „Войной и миром“, несомненно, сыграл свою положительную роль, когда он обратился к страницам „Анны Карениной“. Перевод Максуда, приуроченный к отмечавшемуся тогда пятидесятилетию со дня кончины писателя, намного расширил круг татарских читателей Толстого» [Кадыров, с. 84]. Перевод

М. Максуда в целом был оценен О. Кадыровым как весьма успешный, выражающий суть оригинала [Там же, с. 85].

Одним из первых отзывов на издание татарского перевода романа Л. Н. Толстого стала статья Гази Кашшафа «Культурабызга зур хэзинэ» («Большое сокровище для нашей культуры») (Здесь и далее перевод фрагментов указанной статьи наш – А.З.), опубликованная в июньском номере журнала «Совет эдэбияты» за 1961 г. Автор статьи, который двумя годами ранее сам выступил рецензентом рукописи перевода, не скупится на похвалу. Прделанная М. Максудом работа по переводу произведений Л. Н. Толстого оценивается критиком как «литературный творческий подвиг» (справедливости ради отметим, что такой же высокой оценки в статье удостоиваются и переводческие труды Афзала Шамова), а татарскую версию романа «Анна Каренина» он называет «большим сокровищем», вкладом в нашу культуру [Кашшаф, с. 139]. Разумеется, у Г. Кашшафа в процессе сличения рукописи перевода с оригиналом возникали и замечания к вторичному тексту. Ведь, как отмечает автор указанной статьи, он написал немногим ранее рецензию объемом в 41 (!) страницу «не только ради похвалы». Там содержалось немало замечаний к качеству перевода и рекомендаций по улучшению отдельных фрагментов татарской версии романа [Там же, с. 137] (к слову, свою рецензию критик, как он сам уточняет, написал исключительно только для автора перевода и редактора). Однако в самой журнальной статье Г. Кашшаф тактично избегает критических высказываний в адрес выполненной М. Максудом колоссальной по объему работы. Он подчеркивает: «Отдельные непонравившиеся слова или предложения не дают нам права не замечать непомерный труд автора или переводчика» [Там же]. Единственное, с чем не может согласиться Г. Кашшаф, это то, что в татарском переводе, как пишет сам критик, «встречаются наименования еды, предметов одежды и домашней утвари, не совсем понятные современному советскому читателю, значение которых не удастся найти ни в одном словаре»; в качестве примера он приводит слово *тюрбо* [Там же, с. 138].

Свои впечатления от первого знакомства с рукописью перевода Г. Кашшаф описывает так: «Признаюсь, перевод меня как восхищал, так и местами очень тревожил» [Там же, с. 137]. Вместе с тем он пишет: «Каким бы требовательным ни приходилось быть, невозможно было не видеть прилежания, правдивости, внимательности товарища М. Максуда, его стремления достичь поэтической точности, размышлений над тем,

как донести до читателя все музыкальное звучание толстовской поэзии» [Там же, с. 138].

Г. Кашшаф подчеркивает: «Речь не идет об идеальном переводе. Я за адекватный перевод. Перевод не должен портить произведение, размывать характеры, образы, искаженно изображать события. Читатель должен читать произведение, ощущая его колорит, музыку, все изящество». Далее он продолжает: «Читатель не должен ощущать, что произведение – перевод» [Там же, с. 137]. Вероятно, именно этими критериями и руководствовался Г. Кашшаф, давая высокую оценку переводу романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» на татарский язык, выполненному М. Максудом.

В рамках данной статьи рассмотрим некоторые языковые и стилистические особенности указанного перевода. С этой целью мы обратимся к нескольким ситуациям с философско-эстетической категорией «случай», выстраивающей художественную структуру романа. В частности, рассмотрим три первые встречи двух героев романа, Стивы Облонского и Константина Левина, которые мы осмысливаем через категорию «случай». Однако в рамках данной статьи мы не даем его художественно-эстетическое осмысление, нас будут интересовать стилистические особенности перевода.

Перевод романа на татарский язык, выполненный почти 60 лет тому назад, нуждается не только в осмыслении его достоинств, но и переоценке отдельных, прежде всего языковых, стилистических особенностей, с указанием целого ряда погрешностей, которые с точки зрения современного татарского литературного языка могут быть легко устранены. Характерной особенностью нашего времени является желание специалистов в области татарского языка максимально освободить его от избыточных заимствований (см. об этом: [Юсупов, 2005], [Юсупов, 2008], [Сафиуллина]). Именно это положение стало для нас отправной точкой в текстуальном анализе перевода произведения.

Первое, что невольно отмечает современный татарский читатель при знакомстве с переводом романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина», – это избыточность в татарском тексте русских и иностранных слов, которыми пестрят страницы версии перевода. И речь тут не о заимствованных из других языков словах, в силу разных обстоятельств и в разные исторические эпохи прочно укрепившихся в татарском лексиконе и используемых носителями языка наравне с татарскими. Прежде всего мы имеем в виду использование переводчиком русских слов, совершенно чуждых для татарского литературного языка, не пред-

ставленных в толковых словарях, и потому умение использования которых вызывает сомнения. Если употребление одних из них в переводе еще как-то можно оправдать (трудности, связанные с отсутствием в языке перевода собственных средств, позволяющих выполнить адекватный перевод, или же умышленное сохранение переводчиком русского или иностранного слова в переводе для достижения, к примеру, «эффекта присутствия»), то использование других вызывает лишь недоумение.

Рассмотрим сцену обеда при первой (случайной) встрече Стивы Облонского и Константина Левина в гостинице «Англия». В оригинале текст звучит так: *И татарин с развещающимися фалдами над широким тазом побежал и чрез пять минут влетел с блюдом открытых на перламутровых раковинах устриц и с бутылкой между пальцами* [Толстой, 1991, с. 42]. Перевод выглядит следующим образом: *Карт татар, чабуларын жылфердәтеп, йөгәрә-йөгәрә китеп барды, биш минут үтүгә инде ул, кулына перламутр кабырчыклары ачылган бер табак устрица тотып, бармак араларына бутылка кыстырып, очып килеп тә керде* [Толстой, 1960, с. 46]. Как видно из примера, не переведенным на татарский язык осталось слово *бутылка*, хотя в языке перевода указанному слову соответствует исконно татарское *шешә* (никаких других вариантов перевода слова *бутылка*, кроме как *шешә*, русско-татарские словари не предлагают) [Русско-татарский словарь, с. 50]. Использование слова *бутылка*, очевидно, оправдывается разговорной лексикой татарского языка того времени, в котором достаточно частотными были слова, заимствованные из русского языка.

Другой пример. Описывая особенности взаимоотношений двух друзей – Константина Левина и Стивы Облонского – Л. Н. Толстой указывает в романе: *Они любили друг друга, несмотря на различие характеров и вкусов, как любят друг друга приятели, сошедшиеся в первой молодости* [Толстой, 1991, с. 23]. А вот татарский перевод этого предложения: *Бик яшьтән ук таньшкан дуслар бер-берсен ничек яратсалар, алар да, характерлары һәм вкуслары төрлечә булуга карамастан, бер-берсен шулай яратышалар* [Толстой, 1960, с. 24]. Можно отметить, что не переведенными на татарский язык остались два слова: *характеры* и *вкусы*. И если употребление первого слова в татарском тексте еще можно допустить, то употребление слова *вкуслары* в переводе скорее представляется нам стилистическим недочетом переводчика. Слово *характер* как интернациональное, действительно, входит в татарский лексикон, к примеру, русско-татарский сло-

варь под редакцией Ф. А. Ганиева предлагает следующие варианты перевода этого слова: *характер, холык, табигать* [Русско-татарский словарь, с. 682]. На наш взгляд, татарский перевод произведения ничуть бы не обесценился, если бы переводчик употребил татарское слово *холык*. По аналогии со словом *бутылка* из приведенного нами предыдущего примера слово *вкус* не представлено в лингвистических словарях в качестве русского заимствования, вошедшего в татарский лексикон. Более того, у этого слова имеются вполне адекватные соответствия в татарском языке: *зэвык, ямь хис; кызыксыну, кызыксыну хисе; ярату, махәббәт* и др. [Там же, с. 67]. На наш взгляд, более выигрышным стал бы следующий вариант перевода предложения: *Бик яшьтән ук таньшкан дуслар бер-берсен ничек яратсалар, холыклары һәм кызыксынулары төрлечә булуга карамастан, бер-берсен шулай яратышалар*.

Еще один аналогичный пример. Маленький отрывок из диалога Стивы Облонского и Константина Левина во время обеда в гостинице «Англия», при первой (случайной), как мы отмечали, встрече. Приятели заказывают блюда и обсуждают, что им заказать из напитков:

– Что же пить будем?

– Я что хочешь, только немного, шампанское, – сказал Левин.

– Как? Сначала? А впрочем, правда, **пожалуй**. Ты любишь с белою печатью? [Толстой, 1991, с. 42].

Татарский перевод:

– Нәрсә эчәбез?

– Ни теләсән шуны, мин безәз шампанский гына эчәм, – диде Левин.

– Ничек инде? Баштан укмы? Хәер, шулай дәрәс булыр, **пожалуй**. Син ак печатьлене яратасыңмы? [Толстой, 1960, с. 46]

В татарском языке нет слова *пожалуй*. В русско-татарском словаре приводятся следующие татарские соответствия для указанного вводного слова: *ихтимал, мөгаен, бугай, ахры, бәлки, шулайдыр, булса кирәк* [Русско-татарский словарь, с. 433]. Переводчик предпочел это слово не переводить на татарский язык. Вместо него легко можно было употребить татарское слово, выбрав наиболее адекватное из целого ряда синонимов. Вероятно, это было сделано умышленно. В татарской разговорной речи допустимо употребление говорящим подобных русских слов (в просторечном татарском языке и сегодня зачастую можно услышать такие служебные слова русского языка, как *вряд ли, конечно, например, точно, наверно* и многие другие). Слово *пожалуй*

М. Максудом использовано в передаче неформальной беседы двух приятелей, переводчик счел допустимым оставить данное слово без перевода в его исходном варианте.

Скорее всего, по этой же самой причине М. Максуд не перевел в диалогах героев романа такие служебные слова и сочетания, как *ну*; *ну, ну...*; *ах да* и др. Например, Степан Аркадьевич представляет неожиданно появившегося в здании присутствия Константина Левина своим подчиненным Никитину и Гриневицу:

– **Ах да**, позвольте вас познакомить, – сказал он. – Мои товарищи: – Филипп Иванович Никитин, Михаил Станиславович Гриневиц, – и обратившись к Левину: – Земский деятель, новый земский человек, гимнаст, поднимающий одною рукой пять пудов, скотовод и охотник и мой друг, Константин Дмитрич Левин, брат Сергея Ивановича Кознышева.

– Очень приятно, – сказал старичок [Толстой, 1991, с. 24].

В переводе мы читаем:

– **Ах да**, рэхим итеп танышыгыз, – диде ул, – Ми-нем иптэшләрәм: Филипп Иванович Никитин, Михаил Станиславович Гриневиц, – һәм Левинга карап әйтте: – земство эшлеклесе, земствоның яңа кешесе, бер кулы белән биш пот күтәрә торган гимнаст, малтуар үрчетү белән шөгылләнүче, аучы һәм миңем дустым Константин Дмитрич Левин, Сергей Иванович Кознышевның энесе.

– Бик шатмын, – диде кечкенә генә карт [Толстой, 1960, с. 25].

Чуть ниже в тексте произведения, в рамках той же сцены встречи в присутствии Облонский спрашивает у Левина, отчего тот больше не является земским деятелем. На что Левин отвечает:

– Длинная история. Я расскажу когда-нибудь, – сказал Левин, но сейчас же стал рассказывать. – **Ну**, коротко сказать, я убедился, что никакой земской деятельности нет и быть не может <...> [Толстой, 1991, с. 24].

Перевод выглядит следующим образом:

– Тарихы озын аның. Кайчан да булса бер сөйләрмен әле, – диде Левин, ләкин шунда ук сөйли дә башлады. – **Ну**, кыска гына итеп әйткәндә, миң шуңа ышандым, бертөрле дә земство эшлеклеге юк һәм булырга мөмкин дә түгел <...> [Толстой, 1960, с. 25–26].

А вот диалог купца Рябинина и его приказчика, состоявшийся после покупки леса у Облонского (эпизод в рамках второй случайной встречи Левина с Облонским):

Через час купец, аккуратно запахнув свой халат и застегнув крючки сюртука, с условием в кармане сел в свою туго окованную тележку и поехал домой.

– Ох, эти господа! – сказал он приказчику, – один предмет.

– Это как есть, – отвечал приказчик, передавая ему вожжи и застегивая кожаный фартук. – А с покупкой, Михаил Игнатьич?

– **Ну, ну...** [Толстой, 1991, с. 188]

и его перевод:

Бер сэгать үтүгә инде, купец, халат итәген бик пөхтәләп ябып, сюртук каптырмаларын каптырып, сәүдә кәгазен кесәсенә салган килеш, тимер белән ныгытылган арбасына утырды да өенә кайтып китте.

– Ох, бу бариннар! – диде ул үзенә кайтып киткәнә, – барысы да бер чыбыктан сөрелгән.

– Бик дәрәс әйтәсез, – дип жавап кайтарды приказчик, үзе, дилбегәнә хужага биреп, арбаның күн япмасын рәтләргә тотынды. – Ә яңа малны юарга кирәктер, Михаил Игнатьич?

– **Ну, ну...** [Толстой, 1960, с. 217].

Подобные примеры, в которых без перевода на татарский язык оставлены сходные с приведенным выше служебные части речи, можно обнаружить в большом количестве.

В тексте перевода привлекает к себе внимание передача звукоподражаний. Так, Л. Н. Толстой, описывая сцену охоты Левина и Стивы Облонского (вторая случайная встреча героев в романе: Стива приезжает в деревню к Левину), пишет: **Чик! Чик!** – *целкнули взводимые Степаном Аркадьевичем курки* [Толстой, 1991, с.182]. Татарский перевод представлен следующим образом: **Степан Аркадьич курок күтәргән саен: чик! чик!** – *дигән тавыш ишетелде* [Толстой, 1960, с.210]. Как видно из примера, переводчик не стал переводить на татарский язык звукоподражательные слова *чик- чик*, хотя в татарском языке имеются удачные эквиваленты *чалт, чалт-чалт, чалт-чолт*. Толковый словарь татарского языка определяет слово *чалт* следующим образом: *аваз ияртеме*. Кинәт сукканда, бәргәндә, яисә берәр предмет икенче предметка бәрелгәндә чыккан тавышны белдерә [Толковый словарь татарского языка, с. 405] (*чалт* – *звукоподражание*. Обозначает звук, издаваемый при резком ударе, стуке или же при столкновении двух предметов). Согласно этому же словарю звукоподражательные слова *чалт-чалт* и *чалт-чолт* являются фонетическими вариантами и имеют следующее значение: *аваз ияртеме*. Сукканда, бәргәндә яки берәр әйбер икенче әйбергә бәрелгәндә чыккан тавышны белдерә [Там же] (*чалт-чалт, чалт-чолт* – *звукоподражания*. Обозначают звук, издаваемый при стуке, ударе или же при столкновении двух

предметов). Отметим, что в этом примере со звукоподражанием в татарский текст закралась и смысловая неточность: в тексте оригинала Степан Аркадьевич совершает единичное действие – взводит курки ружья, и при этом его действие сопровождается звуками *чик! чик!*. В татарском же переводе указанное действие совершается Стивой многократно, о чем свидетельствует словосочетание *күтәргән саен* (букв.: каждый раз, как взводил). Словосочетание *күтәргән саен* предполагает повторное звуковое сопровождение. Таким образом, в татарском переводе появилась искаженная темпоральная характеристика действия (единичное действие заменяется многократным).

В татарском тексте произведения наше внимание привлекают также слова, оставшиеся непереуказанными по причине несоответствия смысловому контексту тех вариантов, которые имеются в арсенале татарского языка. В качестве примера приведем диалог между Стивой Облонским и старым официантом-татаринном во время уже упомянутого выше обеда Стивы и Левина в гостинице «Англия»:

<...>– Хороши ли устрицы? Ты смотри!

– Фленсбургские, ваше сиятельство, остендских нет.

– Фленсбургские - то фленсбургские, да **свежи** ли?

– Вчера получены-с [Толстой, 1991, с. 41]

и его перевод на татарский язык:

– Устрицаң яхшымы соң? Кара аны!

– Фленсбургтан китерелгән, ваше сиятельство, Остендныкы юк.

– Фленсбургтан булса булыр, **свежийми** соң?

– Кичә генә алдык, хөрмәтлём [Толстой, 1960, с. 45].

Можно также привести в качестве примера эпизод, происходящий во время обеда в доме Облонских в тот самый вечер, когда Кити примет предложение Левина о замужестве (третья встреча Левина и Облонского, вызванная случайными обстоятельствами):

Когда встали из-за стола, Левину хотелось идти за Кити в гостиную; но он боялся, не будет ли ей это неприятно по слишком большой очевидности его **ухаживанья** за ней. Он остался в кружке мужчин, принимая участие в общем разговоре, и, не глядя на Кити, чувствовал ее движения, ее взгляды и то место, на котором она была в гостиной [Толстой, 1991, с. 435].

Татарский перевод:

Барысы да өстәл яныннан кузгалгач, Левинның Кити артыннан кунак бүлмәсенә чытасы килде; ләкин ул, үзенең **ухаживать** итүе бик сизелеп торса, Китиниң кәефе китәр дип уйлады. Ул, ирләр арасында калып, гомуми әңгәмәдә катнашты һәм, Китига карамастан, аның хәрәкәтләрен, күз карашларын, кунак бүлмәсендә аның кай төштә икәннен хис итеп торды» [Толстой, 1960, с. 502].

Любопытно, что русские заимствования *свежий* и *ухаживать* из известных нам словарей присутствуют только в русско-татарском словаре под редакцией Ф. А. Ганиева. Русскому слову *свежий* в указанном словаре даются следующие татарские соответствия: 1) *яңа ...ган, яңа гына ...ган, әле генә ...гән*; 2) *тозланмаган, ысланмаган, какланмаган, свежий*; 3) *саф, чиста*; 4) (прохладный) *салкынча, эжиләс*; 5) *(не утрачивший яркости) төсә китмәгән, уңмаган, ялтыравы бетмәгән*; 6) *топылмаган, киелмагән, керләnmәгән, чиста*; 7) *яңа, яңарган*; 8) *яңа, иң соңгы*; 9) перен. *саф*; 10) *таза, әйбәт* [Русско-татарский словарь, с. 556]. Русскому глаголу *ухаживать*, согласно этому же словарю, соответствуют татарские слова: 1) за кем-чем *карау, карап-тәрбияләү, карап үстерү*; 2) за кем *ухаживать итү, хатын-кыз артыннан йөрү, хатын кызга илтифат күрсәтү* [Там же, с. 669]. Таким образом, переводчик был вынужден оставить русские слова *свежий* и *ухаживать*, поскольку не нашел в татарском языке более адекватных соответствий. Для современного литературно-книжного татарского языка подобные слова (заимствованные из русского языка) являются гораздо менее частотными.

На наш взгляд, стоит обратить внимание на переводы текста, когда можно было бы отказаться от употребления русских заимствований в пользу исконно татарских слов без всякого нарушения семантики оригинала и стиля изложения. Переводчик не делает этого по причине негласного активного вторжения русских слов и даже сочетаний в татарский литературный язык в годы выполнения перевода.

Например:

1. В оригинале произведения:

Наступило молчание. Она все чертила мелом по столу. Глаза ее блестели тихим блеском. Подчиняясь ее **настроению**, он чувствовал во всем существе своем все усиливающееся напряжение счастья [Толстой, 1991, с. 437].

В переводе на татарский язык:

Тынлык урнашты. Кити һаман да акбур белән өстәл өстен сызгалавында булды. Аның күзләрендә тын бер нур балкыган иде. Аның **настроениесенә** би-

релеп, Левин да үзөндө торган саен арта барган бэхет тойгысы ташыганын хис итте [Толстой, 1960, с. 504].

Слово *настроение* легко можно заменить одним татарским словом *кәеф*.

2. В оригинале:

– Нет, без шуток; что ты выберешь, то и хорошо. Я побегал на **коньках**, и есть хочется [Толстой, 1991, с. 41].

В переводе на татарский язык:

– Юк, шаяртмыйча эйтәм, син нәрсә сайласан, миңа шул ярый. **Коньки** шуган идем, бик ашыйсым килә» [Толстой, 1960, с. 45].

Вместо русского слова *коньки* переводчик легко мог бы использовать татарское слово *ти-мераяк*.

3. В оригинале:

Он тронул лошадь и, выехав за **акацию**, увидел подъезжавшую ямскую тройку с железнодорожной станции и господина в шубе [Толстой, 1991, с. 177].

В татарском переводе:

Ул атын кызулатты, һәм, **акацияне** узгач, тимер юл станциясеннән килә торган тройканы, тун киеп чанада утырган бер эфәндене күрдө [Толстой, 1960, с. 205].

Слово *акация* также осталось непереуведенным, хотя в татарском языке имеется название этого растения – *сәрви агачы*.

4. В оригинале:

Когда Левин вошел с Облонским в **гостиницу**, он не мог не заметить некоторой особенности выражения, как бы сдержанного сияния, на лице и во всей **фигуре** Степана Аркадьича [Толстой, 1991, с. 40].

В татарском переводе:

Облонский белән бергә **гостиницага** килеп кергәндә, Левин Степан Аркадьичның чыраендагы үзенчәлекне, эйтергә мөмкин, аның бөтен **фигура-сындагы** һәм йөзөндәге тыйнак бер балкуны күрмичә кала алмады [Толстой, 1960, с.44].

Русскому слову *гостиница* в татарском языке соответствует *кунакханә*, а вместо интернационального *фигура* можно было бы легко использовать татарское слово *гәүдә*.

Подобных примеров можно привести множество. Так, непереуведенными в рассматриваемом нами татарском тексте остались такие слова, как *семья* ('гаилә'), *дворяне* ('морзалар'), *сословие*

('катлау', 'катлам'), *купец* ('сәүдәгәр'), *жалованье* ('хезмәт хақы'), *взятка* ('ришвәт') и многие другие. Этому ряду слов современный переводчик нашел бы адекватные слова-образы в татарском языке.

В то же время следует отметить, что некоторые русские слова в татарском переводе не режут слух и звучат вполне естественно, поскольку они прочно закрепились в языке и используются наравне с собственно татарскими словами.

Так, в оригинале:

Левин нахмурился. Оскорбление отказа, через которое он перешел, как будто свежее, только что полученной раной загло его сердце. Он был дома, а дома **стены** помогают [Толстой, 1991, с. 191].

Татарский перевод:

Левин кашларын жьерды. Тәкъдименә кайчандыр кире кагылуына хурлану тойгысы менә хәзер генә алынган яңа яра кебек аның йөрәген әрнетте. Ул бит үз өөндә иде, ә үз өөндә **стеналар** да ярдәмгә килә [Толстой, 1960, с. 221].

«Русско-татарский словарь» предлагает следующие переводы слова *стена* в прямом его значении: 'стена'; 'дивар'. При этом слово *дивар* дается с пометой «устаревшее» [Русско-татарский словарь, с. 606]. Заметим, что слово *стена* настолько прижилось в татарском литературном языке, что оно звучит в речи так же естественно и благозвучно, как и татарское слово *дивар*. А в ряде случаев оно, возможно, и более выигрышно (прежде всего, для рядового носителя языка) по сравнению с менее частотным ныне татарским его эквивалентом.

Схожая ситуация и со словом *клевер*. В выбранном нами русско-татарском словаре предлагаются следующие соответствия данного слова: *тукранбаи*, *клевер* [Там же, с. 217]. Одно из слов в предлагаемой синонимической паре – заимствование, проникшее в татарский язык из русского (*клевер*), а другое – исконно татарское слово (*тукранбаи*). Заимствованное слово настолько привычно для носителя татарского языка, что не вызывает чувства дисгармонии, неблагозвучия в речи. В то же время татарское слово *тукранбаи*, в силу меньшей частотности употребления в современном языке, может оказаться незнакомым для отдельных реципиентов речи и вызвать трудности для понимания. В этой связи выбор М. Максудом варианта *клевер* из синонимической пары при выполнении перевода представляется нам удачным.

Таковым является описание приезда Степана Аркадьича в деревню к Левину (вторая случай-

ная для Левина встреча героев): *Левин провел своего гостя в комнату для приезжих, куда и были внесены вещи Степана Аркадьича: мешок, ружье в чехле, сумка для сигар, и, оставив его умываться и переодеваться, сам пока прошел в контору сказать о пахоте и клевере* [Толстой, 1991, с.177].

Его татарский перевод выглядит следующим образом: *Левин кунакны читтән килүчеләр өчен билгеләнгән бүлмәгә алып керде, эйберләрен дә: капчыгын, чехоллы мылтыгын һәм сигара сумкасын да шунда ук кертеп куйдылар, аннары, юнырга, Киемен алыштырырга кунакның ялгызын гына калдырып, Левин үзе сукалау һәм клевер чәчү турында әйтү өчен конторга чыгып китте* [Толстой, 1960, с. 205].

Отдельную группу переводческих недочетов в рассматриваемом нами татарском тексте «Анны Карениной» составляют стилистические погрешности, вызванные некоторой небрежностью при выборе языковых средств или недостаточностью языковой интуиции. Вместе с тем эта особенность как языковая погрешность неизбежна практически для всех переводчиков.

В качестве примера со стилистическим недочетом можно привести перевод следующего фрагмента эпизода, в котором Степан Аркадьич знакомит Константина Левина со своими коллегами Гриневичем и Никитиным. В татарский текст закралась речевая ошибка – тавтология: *Левин кинәт кып-кызыл булып кызарды, ләкин олы кешеләрчә, үзе дә сизмәстән, жиңелчә генә кызармады, малайларча кызарды, - малайлар кыюсызлыклары аркасында үзләренең көлке икәнлекләрен сизаләр дә, нәтижәдә оялып, күзләреннән яшь килгәнче диарлек, тагы да ныграк кызаралар* [Толстой, 1960, с. 26]. В оригинале: *Левин вдруг покраснел, но не так, как краснеют взрослые люди, – слегка, сами того не замечая, но так, как краснеют мальчишки, – чувствуя, что они смешны своей застенчивостью, и вследствие того стыдятся и краснея еще больше, почти до слез* [Толстой, 1991, с. 25]. Как нам представляется, в татарском тексте достаточно было бы перевести первую фразу предложения следующим образом: *Левин кинәт кызарып чыкты* или же *Левин кинәт кып-кызыл булды*, избежав тем самым избыточного повтора аналогичных по смыслу слов *кып-кызыл* и *кызарды* (*кып кызыл булып кызарды* – букв.: *покраснел докрасна*).

Другим режущим слух примером является перевод фрагмента эпизода поездки Стивы и Левина в гостиницу «Англия» на обед (первая, случайная для Стивы Облонского встреча с Константином Левиным). В оригинале: *Степан Ар-*

кадьич дорогой сочинял меню [Толстой, 1991, с. 40]. В переводе: *Степан Аркадьич исә юл буе кәндәзгә аш өчен меню иҗәт итеп барды* [Толстой, 1960, с. 44]. Слово *сочинять* в толковых словарях, в частности, в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определяется так: 1) создать какое-нибудь литературное или музыкальное произведение; 2) составить, написать какой-нибудь текст; 3) выдумать, придумать, солгать [Ожегов, Шведова, с. 752]. Как свидетельствуют толковые словари русского языка, слово *сочинять* употребляется не только в прямом, но и в переносном значении. В татарском языке семантика выражения *иҗәт итү* определяется только творческой деятельностью. Именно поэтому выражение *иҗәт итү* (букв.: *творить*) в сочетании со словом *меню* абсолютно неприемлемо.

Перевод романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» на татарский язык, выполненный почти 60 лет тому назад М. Максудом, нуждается не только в осмыслении достоинств его, но и в переоценке отдельных его стилистических особенностей. Работа М. Максуда на сегодняшний день является единственной в татарской переводческой практике. Она в полной мере выполнила познавательно-эстетические требования своего времени. Вместе с тем взгляд на перевод, выполненный в 60-е гг. XX века, с точки зрения требований современного татарского литературного языка, когда идет активная борьба за чистоту языка, приводит филолога, работающего с текстами (русским и татарским), к необходимости пересмотреть многие фрагменты его не только с позиции адекватности перевода общей семантической конструкции оригинала, но и с точки зрения соответствия частных семантико-стилистических особенностей перевода.

Так, проведенный нами текстуальный анализ перевода романа на татарский язык позволил выявить целый ряд погрешностей и отклонений на уровне стилистических особенностей, которые, подчеркнем, не умаляют основных достоинств текста на татарском языке.

Список литературы

- Кадыров О. Х.* Возвышение. Л. Н. Толстой в татарских переводах советской эпохи. Казань: Казанск. ун-т, 2005. 160 с.
- Кашишаф Г.* Культурабызга зур хәзинә // Совет әдәбияты. 1961. №6. Б. 134–139.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
- Русско-татарский словарь / Под ред. Ф. А. Ганиева. М.: Рус. яз., 1984. 736 с.
- Сафиуллина Ф. С.* Хәзерге татар әдәби теле. Лексикология. Казан: Хәтер, 1999. 288 б.

Толковый словарь татарского языка. В 3 томах. Казань: Таткнигоиздат, 1981. Т.3. 832 с.

Толстой Л. Н. Анна Каренина / пер. на тат. яз. М. Максуда Казань: Таткнигоиздат, 1960. Т.1. 552 с.

Толстой Л. Н. Анна Каренина. М.: Правда, 1991. Т.1. 496 с.

Юсупов Р. А. Вопросы перевода, сопоставительной типологии и культуры речи. Казань: Таткнигоиздат, 2005. 383 с.

Юсупов Р. А. Тәржемә һәм сөйләм культурасы. Казан: Татар. кит. нәшр., 2008. 240 б.

References

Iusupov, R. A. (2008). *Tәрҗемә һәм сөйләм културасы* [Translation and Culture of Speech]. 240 p. Kazan, Tatar. kit. nәshr. (In Tatar)

Iusupov, R. A. (2005). *Voprosy perevoda, sopostavitel'noi tipologii i kul'tury rechi* [On the Issues of Translation, Comparative Typology and Culture of Speech]. 383 p. Kazan', Tatknigoizdat. (In Russian)

Kadyrov, O. Kh. (2005). *Vozvyshenie. L. N. Tolstoi v tatarskikh perevodakh sovetskoi epokhi* [Elevation. L. N.

Tolstoy in Tatar Translations of the Soviet Era]. 160 p. Kazan', Kazansk. un-t. (In Russian)

Kashshaf, G. (1961). *Kul'turabyzga zur khāzinā* [Real Treasures of Our Culture]. *Sovet әdәbiiate*, 1961, No. 6, pp. 134–139. (In Tatar)

Ozhegov, S. I., Shvedova N. И. (1999). *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. 944 p. Moscow, Azbukovnik. (In Russian)

Russko-tatarskii slovar' (1984). [Russian-Tatar Dictionary]. Pod red. F. A. Ganieva. 736 p. Moscow, Rus. iaz. (In Russian)

Safiullina, F. S. (1999). *Khāzerge tatar әdәbi tele. Leksikologiia* [The Modern Tatar Language. Lexicology]. 288 p. Kazan, Khәter. (In Tatar)

Tolkovyi slovar' tatarskogo iazyka (1981). [Explanatory Dictionary of the Tatar Language]: V 3 tomakh. T. 3, 832 p. Kazan', Tatknigoizdat. (In Tatar)

Tolstoi, L. N. (1960). *Anna Karenina* [Anna Karenina]. Per. na tat. iaz. M. Maksuda T.1, 552 p. Kazan', Tatknigoizdat. (In Tatar)

Tolstoi, L. N. (1991). *Anna Karenina* [Anna Karenina]. T.1, 496 p. Moscow, Pravda. (In Russian)

The article was submitted on 31.05.2017

Поступила в редакцию 31.05.2017

Закиров Алмаз Ильдарович,

документовед,

Институт филологии и межкультурной

коммуникации им. Льва Толстого,

Казанский федеральный университет,

420008, Россия, Казань,

Кремлевская, 18.

almaz82@inbox.ru

Zakirov Almaz Ildarovich,

records manager,

Leo Tolstoy Institute of Philology

and Intercultural Communication,

Kazan Federal University,

18 Kremlyovskaya Str.,

Kazan, 420008, Russian Federation.

almaz82@inbox.ru